

ПРОПОВЕДИ

Священник Павел ФЛОРЕНСКИЙ

НАЧАЛЬНИК ЖИЗНИ

«Встань, подруга моя, красавица моя, иди сюда;

Потому что зима уже прошла; дождь миновал, прошел.

Цветы показались на земле; время песней наступило, и голос горлицы слышен уже в земле нашей.

Ягоды смоковницы созрели, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние.

Встань, подруга моя, красавица моя, иди сюда;

Голубка моя, сидящая в ущелин скалы, под кровом утеса! Покажи и мне лицо твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой приятен и лицо твое мило» (Песнь Песней 2, 10—14).

Так призывает к Себе Небесный Жених подругу Свою — Церковь; но не идет она навстречу Ему, не может вырваться из башни, где держит ее в плену злое тленне.

И не выходит из оков она, хотя на дворе — благоуханная весна теплой Галлилен.

И ныне зовет Жених Невесту Свою, скромная же весна паша — еще нежнее.

Вот, стаял снег и побежали говорливые потоки. Вот, налились тугие ветви: почки готовы лопнуть от избытка жизненных соков. Квóхчет грач с атласисто-белой березы. Выпрыгивают из сочной земли золотые одуванчики.

Вот, вся тварь просыпается; потягивается в полусне черная земля, а лазурь улыбается застенчивой улыбкой навстречу омытому солнцу. Тянутся вереницами белых лебедей по синющему озеру сверкающие облака.

Хотя на короткое время, — на несколько часов всего, быть может, но люди стали чище, у всех на душе запел грядущий май. Посмотрите, как ласковы лица; будто недоразумений между людьми не бывало.

Но чего радуется природа, чего радуемся мы? Разве не помутнеет снова лик неба, и не затянется бирюза его безнадежно-унылым чехлом облак?

Разве не иссохнут снова питающие недра земли-матери? Разве не вззоет больше ветер осенний и не сорвет он с дерев унылую парчу их, их багрецовые мантии?

И не зазменятся ли снова по дорожкам золото умирающих листьев?

Радуется земля, но безжалостный мороз оледенит ее до сердца. Безжизненно-белый саван покроет исхолодавшую грудь ее. И невольно кажется, будто под покровом природы таится смерть и тленне, будто на болоте растет прохладная зелень.

Мы радуемся весне и жизни. Но разве утерты слезы матери, надрывающейся по убитом сыне? Разве забыла невеста жениха, разве утешился друг по другу? Нет, все еще истаивает бледною свечою восковою невеста, — все еще безысходная тоска грызет сердце друга. Не перестала биться в бессилии мать, поседевшая с горя, о крест над могилой.

Тоскует в цепях исления вся Тварь многострадальная, не освободилась из башни Христова Невеста...

Чего же мы радуемся?

Слово, сказанное в храме Московской Духовной Академии в 1905 году за литургией второго дня Святой недели.

Публ. по изд.: «Христианин», 1907, т. 2, № 4, с. 705—709.

Красота природы не победила Смерти, лишь делала ее ужаснее, облекая в красивые наряды.

Величие духа не победило Смерти, хотя, бессмертный, дух уклонялся от Неумолимой, отступая в недоступные для нее области. И когда, казалось, всякая борьба напрасна, пришла в царство Смерти сама Любовь; и сломилось о шит ее жало Хищницы.

Сорвались когти ее с Тела Пречистого, не удержала она в плену Праведного. И разрушил Ад Христос, и дал Невесте Своей залог нетления, Сам восставши из мертвых.

Пришел Пастырь Добрый и отогнал Смерть беспощадную, Сам положивши душу за овец своих.

Открылся Господь и временное приобщил вечности, Сам спустившись в помутневшую нашу телесность.

Обжилась материя, просяла в Теле Христовом красотой неизменной. Трепетом неизъяснимым задрожала Вселенная.

Радуеться тварь не о мимолетном блистании, — ликует о грядущей лучезарности. Небо и земля исполняются несказанного восторга, ожидая весны бесконечной. Посмотрите, украшается изумрудом зелени своей вся природа: ныне в ней таится зерно прорветленности. Все сокровища свои, от Христа получившая, выносит ему же навстречу.

Не тщетна ныне красота, ибо тварь избавлена от истления; не тщетна ныне любовь, ибо не погибнет бесследно любимый. Не тщетна вера наша и подвиги духа, ибо Христос воскрес.

В потоке мятущихся событий нашлось средоточие, открылась точка опоры: Христос воскрес.

Есть только одно достоверное: Христос воскрес. Есть одно только, хватающее на всех: Христос воскрес.

Если бы Богочеловек не воскрес, то сплошную бессмыслицу стал бы весь мир, прав был бы Пилат со своим пренебрежительным: «Что есть истина?»

Если бы Богочеловек не воскрес, то истлевало бы бесповоротно самое бесценное, гнила бы красота безвозвратно.

Если бы Богочеловек не воскрес, то рухнул бы навеки мост между землею и небом. И мы остались бы без обоих, потому что не знали бы неба и не могли бы оборонить от уничтожения землю.

Но воскрес Тот, пред Кем мы виноваты бесконечно, — и посрамлен Пилат с Канафой.

Всепоглощающая Смерть поглощена бессмертием. Правда восторжествовала над неправдою. Огневица греха охлаждена смиреннем.

Напрасна ныне тоска любящих, напрасно ломает мать побледневшие руки. Ибо Христос воскрес. И тщетны последние нападения Смерти.

Дрожит в иступленной радости Тварь, — ликует светлым восторгом, потому что Христос воскрес и зовет к Себе Невесту Свою:

«Встань, подруга моя, красавица моя, иди сюда!».

Скована еще Невеста, но съедает ржа цепи ее; делается великая тайна освобождения. За покровом тленой шелухи возрастает зерно жизни, обновляются тайно недра твари, очищается сердце земли. Невеста и Дух говорят Агнцу: «Прииди».

Вот, уже близок Женых; вот, смотрит сквозь решетку; вот, стучится в двери. Не может еще поднять засовов Невеста, но они надломлены, поддаются Женыховым ударам.

На дланях Божьих уже начертан образ Невесты Агнчей, — Иерусалима Небесного.

Сверкает и блещит он, — ясный, как золото, чистый, как хрусталь. И готов спуститься на землю, украшенный.

Сломаются запоры башни, где томится Невеста, и раненая Смерть-привратница падет бездыханной.

Спустится тогда в недра земли Иерусалим Горный. Скажет Сидящий на престоле:

«Вот, Я творю все новое».

Тогда слезет шелуха с твари, растает образ тленности ее от Лица Христова, как туманная мглистость рассеивается пред взором восставшего солнца.

Уйдет все неживое, уплывет все ложное, — унесется в потоках воды живой, и тварь освободится, наконец, от рабства тленности.

«Отдаст земля тех, которые в ней спят, и прах тех, которые молчаливо в ней обитают».

Как яичная скорлупа с птенца, как панцирь куколки с бабочки, отпадет грубая кора земли, и «тогда явится Невеста и, являясь, покажется, скрываема я ныне землею».

Прославленная, сияющая первозданной красотой своею встретит Агнца Невеста.

«Тогда отрет Бог всякую слезу с очей, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни не будет; ибо прежнее прошло».

Вновь составившееся тело наше преобразуется, высвечивая благодатностью. Одухотворенными встретятся близкие и любящие; обнимутся после многолетней разлуки, расправляясь после лежания в тесных могилах.

И не смогут наглядеться в глаза друг другу, пожмая руки с детской улыбкой, молча.

Будут в общении со Христом Господом, Которого, «не видев, любят», — светлую радостью Которого радуемся мы в предчувствии.

И не будет уже ничего нечистого в тот великий праздник Восстания Милых, в Великую Пасху мировую, но Бог будет во всех и во всем.

Ей, Господи, гряди!

Аминь.

ЗЕМНОЙ ПУТЬ БОГОМАТЕРИ

Слово на день Успения Девы Марии Богородицы

Ликовать ли нам сегодня или скорбеть душою, братия? Ускорить ли радостно бдения сердца, или, наоборот, уйти во мглу грусти? Торжествовать ли торжеством Успешей, или же кручиниться собственною кручиной?

Уснула крохкая Заступница наша, ушла тихая Утешительница скорбей. Уплыло в синие дали Белоснежное Облачко. Кто умиротит зной жизни? — Обольемся же слезами вместе с Учениками Господними. Оплачем свое горе.

С Богом ныне Чистая Дева, прославлена Христом Царица Небесная. В горный мир, в лазурь светлую восхищена «Высшая Ангелов и Архангелов». — С трепетом сердца повторим за Апостолами иступленно-ликующее «аллилуиа!»

Уходит из дому работник — уносит с собою полезную мощь свою; умирает праведник — улетает с ним его благодатная сила. Вянет благоуханный цветок — лишается луг части красоты своей; отходит в надоблачные селения чистая дева — и нет ее чистоты в мире.

Но, вот, Бог взял к Себе Праведнейшую и Чистейшую, бережно в рай перенес Благоуханнейший Цветок земли, самое имя коего есть благоухание. И ясная Звезда Вечерняя лучит свое сверканье далеко от нас. Ангелы благоговейно трепещут пред Нею и плещают в радости крылами. Архангелы смиренно служат Ей. Многоочитые Херувимы и шестокрылатые Серафимы изумевают, зря Ее славу. А мы лишились Ее. Где теперь Верное Прибежище?

Тихим успокоением уснула Богородица. Облачком Вечерним, розовеющим в лучах Солнца-Христа, уплыла душа Ее в бездонную синеву неба. Как жаждала Дева этого дня успокоения, как пылала душа Ее, вождевшая Господа! Смолистый хворост не так пожирается лижущими его языками пламени, как Она, Купина несгораемая, — любовию к Вечному... Много раз посещала Матерь Божия места страданий и прославления Сына Своего. Много бесценных слез уронили кроткие очи Ее пред Господним гробом. Много теплых молитв вознеслося и с горы Елеонской.

Но не сразу исполнились горячие мольбы Святой Девы. Не сразу получила Она радость свидания с Сыном, — Она, Матерь Бога и Царица Небесная. Жизнь ее нужна была миру, трудами Ее устроилась Церковь Христова, в коей была Приснодева живым средоточием и вонстину сердцем. Ради нас медлил Спаситель желанное дать Той, Чьих молитв нет жарче, Чьих нет воздыханий святее и Чьей скорби, как меч пронзающий, нет и не может быть лютее. А Спаситель так любил Мать Свою, что в крестных муках думал о судьбе Ее и заботился о Ней.

Бог так возлюбил мир, что Сына Своего Единородного не пожалел и отдал, как агнца на закланье, на крестные муки. А Сын, умирая под тяжестью греха мирового, не пожалел, ради мира, и Матери Своей возлюбленнойшей, дал мечу скорби пронзить Ее — за всех — скорбящее сердце. Горе же нам, отвергающим эту бесконечную любовь! Чем заменим мы ее, какими приманками мира сможем заглушить крики раскаяния, — увы! — слишком позднего?

Нам сладостно, когда любовью отвечают нам на любовь нашу, когда предупредительность встречает себе подобное: Но холодны и безучастны мы, злы и порочны, хотя Бог, не дожидаясь нашей ответной любви, отдает наилучшее, что есть у Него, — Сына Своего Возлюбленного, — когда Сын Божий отдает Мать Свою.

Куда погупить нам взоры, когда предстанем пред Вышним Суднею? Какою краскою залезет лицо наше? К кому обратимся мы?..

Ушла от нас Ходатайница.

Длинною вереницею протянулось время томлений и ожиданий. Ровною поступью шли долгие годы. Все сильнее изнемогала пламенем любви Богородительница, все сильнее тосковала по сладчайшему свиданию с Сыном.

Однажды, за пятнадцать дней до дня Успения, мольбы Богоматери, облившей слезами скалы Елеона, были прерваны лучезарным Вестником. Это Гавриил Архангел, всю жизнь охранявший Пречистую и служивший Ей, предстал, как в день Благовещения; и вторично — в день Светлого Воскресения. Он предстал ныне, третий раз вопия Благодатной: «Радуйся!» — и приносит Ей давно-жданную весть об Успении. С радостью и стала готовиться к преставлению Богородительница. За три дня до вожделенного успокоения снова спустился к Ней вестником Гавриил и вручил пальмовую ветвь, издавна служившую знаком победы, ныне же — победы чрезвычайной, — над Смертью. Ибо эта, снявшая неземным светом, ветвь означала, что тлене не коснется пречистого тела Маринна и что восстанет оно вскоре, как после тихого сна.

«Радуйся, Благодатная, — сказал Ей небесный Гость в благоговении. — Ждет Тебя Сын Твой, исполняется желание Твое, и Сам Господь примет душу Твою».

Поклонилась до земли Невеста Невестная, благодаря Господа.

«Недостойна Я была принять Тебя, Владыку Моего, в утробу Мою, если бы не Ты Сам помилвал Меня, рабу Свою».

И, сказав так, Богородица стала просить у Всевышнего помощи в смертный час, — Пречистая молила сохранить Ее. И когда молилась Она, то склоняли свои верхи окрестные деревья.

Вернувшись домой, небесным светом осиянная, Она известила о Своей близкой кончине приемного Сына Своего — тайнозрителя Иоанна, показала ему пальмовую ветвь, небесным Вестником принесенную, завещая нести ее перед гробом, убрала горницу и ложе Свое, собрала близких. Не хватало только Апостолов. Они были друзьями Ее Сына; тяжело было Богоматери уходить с земли, не простившись с ними, Ей, Церковь в Себе объединявшей с Трубами Духа Святого — (Апостолами). И горячо молилась Она о свидании с ними, как и о спокойной кончине.

Чистейшая молитва не осталась втуне. Когда Приснодева, сияя радостью и небесным блеском, благословляла друзей и родственников, утешала присутствующих, общала и после не оставила их, молиться за них, — в это время Ей довелось свидеться с Апостолами. Вдруг послышался громовый шум, подобно как в Пятидесятницу, когда излился на Церковь Утешитель, — и, подхваченные ангельскими воинствами, на легких облаках святые Благовестники были перенесены от разных мест вселенной к дому Богоматери. Радостно обнялись они; но печальная тень нашла на их свидание. Стеснились сердца Учеников Господних, когда поняли они, что приходится расставаться с Матерью их Господа, их Друга, их Наставника.

«На Тебя мы взирали, как на Самого Владыку нашего и Учителя, — говорили они Ей: — как же снесем теперь горсть сердец наших, когда Тебя лишимся?»

И, говоря так, они обливались слезами. А Богоматерь матерински утешала их и благословляла.

Наступил день Успения. И вот, когда Осиянная благодатью Божией лежала на одре и в молитвах ждала Своей вожделенной кончины, внезапно воссиял в горнице свет, так что свечи померкли и пространство наполнилось блеском. Сам Царь Славы Христос, с Горними Силами, сходил принять душу Матери Своей. Тогда воспела Дева Мария, преисполненная ликованием:

«Величит душа Моя Господа,

и возрадовался дух Мой о Бозе, Спасе Моем,

Яко призре на смирение Рабы Своея», —

воспела хвалебную песнь, чрез всю жизнь пронесенную в сердце и неустанно воспеваемую устами, — и поклонилась Господу, умоляя принять дух Ее и защитить от темных сил.

Христос утешал и ободрял Ее нежнейшими словами.

«Готово сердце Мое, Боже, готово сердце Мое», — радостно повторяла Смиренная и, добавив: — «Буди Мне ныне по глаголу Твоему», — возлегла на ложе. Миновала болезни и страдания тихая душа Ее и отлетела в руки Господа, Которого Она некогда приняла в Себя теми же словами: «Буди Мне по глаголу Твоему». Без истле-

ния и разложения пребывало благоуханное и вешним солнцем сияющее тело Пречистой, как неистленно же родило оно некогда Господа. А Христос вознесся с душою.

Проводы тела сопровождалась чудесами и знаменами. Тщетно злобились первосвященники и жестоковыйные иудеи; тщетно старались помешать погребению. Невидимые силы защищали Пречистое Тело от злых рук. Три дня не отходили от гроба Апостолы, слушая пение ангелов, славивших Бога и ублажавших Деву Марию. Одного только Фомы не было с ними. Но вот явился и он, проливая слезы и печалась, что не простился с Христовою Матерью. Прочие Апостолы хотели ослабить его горе и решили отвалить камень от гроба Богородительницы, чтобы и Фома дал последнее целование. Но, отвалив камень, к ужасу своему, они нашли гроб пустым: в нем лежали только пелены Погребенной.

Апостолы были в недоумении. Но недоумению суждено было рассеяться в тот же день. Вечером, когда Благовестники Христовы собрались к трапезе любви и, по обычаю своему, вознесли часть хлеба в память Господа, прославляя «великое Имя Пресвятой Троицы», послышалось ангельское пение. Первым естественным движением их было поднять глаза по направлению звуков. И тогда, пораженные, узрели они в воздухе Пресвятую Деву, окруженную сиянием и силами небесными. «Радуйтесь! — сказала Благодатная. — Я с Вами во все дни». В великой радости они воззвали: «Пресвятая Богородица, помогай нам!»

Так узнала Церковь о воскресении Марии.

Той, Которая осталась Девой по рождении, не свойственно было бы пребывать мертвой после смерти. Она жива и прославлена, ходя над облаками, среди лилий райских, соединившись навеки с Сыном. Но, радуясь Ее радостью, не должны ли мы печалиться своею печалью? Ведь сегодня небеса простирают недра свои, чтобы принять в себя Ту, Которая приняла в Свои недра самые Небеса. И празднество наше как будто обращается в день разлуки, торжествующие Ее речи — в сетования и горькую думу о собственной нашей судьбе.

Вернись к нам, Дева Умирная, приплыви Облачком Белоснежным, затени прохладно знойную жизнь, умири глгуче страсти. Нет у нас иной помощи и нет иной надежды, кроме Тебя, Богородица. Неужели Ты оставила мятущийся мир? Прикрой нас умиряющим Своим Покровом. Вспомни, Верное Прибежище, Свое обещание — быть с нами во все дни, не забывать нас, молиться за нас Христу, Богу нашему, с Которым Ты ныне свиделась. Очисти нас, Голубиная Чистота, облагоухай нас, Благоуханный Цвет. Озари ясным лучом Нечаянной Радости, помни, Подручница грешников! Утешь, Всех Скорбящих Утешение! Вспомни, вспомни, Теплая Заступница, Свое обещание «посещать и охранять мир»!

Но звучит в сердце ответный голос:

«Если ты ждешь Матерь Божию, не оскорбляй Ее. Если ты хочешь помощи Ее — не обижай Ее. Она ли, Чистейшая, будет с нечистым? Она ли, Кротчайшая, придет к гневливому? Она ли, Тишайшая, поможет суетному? Но и это все простит тебе Мать Моя. Ты-то сам пусти Ее на помощь, не прогоняй Ее. При всяком грехе возможна помощь. Но как помочь тебе, когда ты сам не хочешь ее, когда ты не чувствуешь потребности в помощи. Дневным светом заглушаются звезды, и только из глубокого колодезя увидишь их днем. Только из глубины смирения увидишь свет Божественной помощи. Посмотри на пример Той, которую ты призываешь».

И, оглянувшись, вижу Деву из рода царского и архиерейского, — по отцу происходящую от царя Давида, а по матери — от первосвященника. Вижу дважды Предвозвещенную Ангелом, как избранный сосуд Божий, Почитаемую с детства престарелыми праведными родителями. Вижу Проведшую большую часть юности при храме, в месте страшном и таинственном, Жившую в присутствии Славы Божией. Вижу Ту, Коей служили Горние Силы, приносившие Ей благовестия от Бога, вижу Питавшуюся пищею небесною. Вот Невеста Духа Святаго, вот Родившая Бога. Цари-мудрецы приходят с дарами поклониться Сыну Ее. Ветви дерев склоняются пред Нею. Идолы повергаются ниц при Ее приближении. Почет и уважение окружают Ее, как Возлюбленную Мать Истинного Бога, творящего чудеса и знамения, как средоточие Церковное, как всеобщую Заступницу. Окруженная чудесными явлениями при жизни, прославленная по смерти, воскресшая и вознесшаяся — вот Она, Царица вселенной. Вот Она, Царица Небесная, вознесенная превыше всякой твари, выше Ангелов и Архангелов, выше Херувимов и Серафимов.

Если мы кичимся своим достатком и своею честью в обществе, то что могла бы думать о Себе Богородица? Если мы зазнаемся при наших успехах, то как могла бы возгордиться Дева Мария? Если наши познания шекочут наше самолюбие, то где же мера превозношения Той, Которая носила в Себе тайны Неба?

Но, чем больше оснований возгордиться было у Нее, тем смиреннее была душа Ее, чем более возможности держать Себя спесиво и роскошничать, тем беднее и

скромнее жизнь. Неужели Мать Того, по слову Чьему находился золотой во рту у рыбы, не могла испросить Себе роскоши и довольства? Неужели Деве, пред Которой благоговевут Ангелы, не умолить было Сына дать Ей целый сонм слуг? Неужели Царьша Небесная не получила бы от Творца вселенной обширных земель и царской пышности?

Однако всю жизнь Дева Мария училась и трудилась, с трехлетнего возраста приученная к чтению Слова Божия, к искусным вышивкам, к тканью, прядению и другим рукоделиям; Сама одевала Себя и Сына, одаряла своими работами других. «В Ней не было никакой гордости, а простота без малейшего притворства. Не было никакой изнеженности, а во всем совершенное смирение», — пишет о Ней святая Епифания Кипрская. Облеченная славой и светом, Она одевалась в одежды простые и даже некрашенные. Невеста Божия — Она обручилась с бедным стариком Иосифом, простым плотником. Проведшая юность Свою при храме, в священнейшем месте мира, Она поселяется затем среди презираемых высокомерными иудеями язычников и неверных, в последней из областей — в бедной Галилее, и притом в убогом и презираемом городке Назарете. А под каким пренебрежением была Галилея и, в особенности, Назарет, это видно из поговорок тщеславных иерусалимлян: «Из Галилеи пророк не приходит» и «может ли быть что доброе из Назарета».

Пречистая Дева работала Своими руками, как и всякая бедная женщина. Известно, что Она пряла и ткала, ходила по воду с кувшином. Нужно думать, Ей же приходилось стирать и стирать. Бедность Святого Семейства свидетельствуется многим. Вот, ему негде остановиться, когда оно приезжает в Вифлеем. Святая рождает Бога в пещере, служившей вместо хлева скоту, и Младенца, имеющего всю землю Своим подножием, Ей некуда положить, кроме как в ясли, к которым привязаны вол да осел. Вот, издалеча приходят поклониться Новорожденному мудрые цари с таинственными дарами, но гостей негде принять. Однако не поколебалась хлехом их вера. Вероятно, они ждали увидеть Царя Славы в царских чертогах, среди свиты, охраняемого воннами; вероятно, они полагали, что будут поражены драгоценными одеждями, пышностью богатств и неги. Но они предстали Богомладенцу в грязном и жалком вертеле, и верою прозирая Его небесную царственность, они не отвернулись, а смиренно пали наземь пред Ним, может быть, марая свои мантии.

Через сорок дней после родов всякая иудейская женщина должна была очиститься принесением жертвы и молитвою священника. А в жертву приносили, согласно закону, ягненка, и лишь убогим разрешалось приносить двух горлшч. И вот, Чистейшая Дева, по неизъяснимому смиренню своему, идет очищаться, как будто Она, безгрешно зачавшая, без болезней родившая, нуждалась в очищении. Она не хочет выставять напоказ Свою чистоту, и несет с Собою жертву убогих, освящая Своею жертвою благословенную бедность. Нам Дающая закон жизни кротко подчиняется игу закона, и Чистейшая становится на месте жеп нечистых.

Бедна и непышна была обстановка жизни Ее. Но еще больше было смирение Богоматери в отношениях к Богу и к людям.

Вот как изображает Матерь Господа святой Игнатий Богоносец:

«В гонениях и бедах Она всегда весела; в нуждах и нищете не огорчается; на оскорбляющих Ее не только не гневется, но даже делает им добро; в благополучии кротка; к бедным милостива и помогает им, как и чем может; крепко стоит за веру против врагов оной... более всего любит смиренных, потому что Сама исполнена смирения... Неистощимо Ее терпение, когда насмеются над Нею учителя иудейские и фарисен».

А вот как говорит о Пречистой святой Амвросий Медноланский:

«Она была девою не только по плоти, но и по духу. Сердце Ее было полно смирения; в словах была Она богомудрена, в разговорах не скоро; всегда занята чтением; в трудах бодрa, в беседе целомудрена, как бы всегда беседовала с Богом, а не с людьми. Она никого не обижала, напротив, желала всем добра, никого не презирала, даже и самого убогого человека; ни над кем не смеялась, но во всем видела только добро».

А вот еще свидетельство — святых Епифания и Никифора:

«В каждом деле Она была исполнена кроткой важности и постоянна. Говорила очень мало, только о нужном и добром, и слова Ее были сладостны; охотно выслушивала других и отдавала всякому должное почтение. В своих беседах предлагала всякому только нужное и приличное; никогда не смеялась и не приходила в возмущение. Обхождение Ее было кроткое и без гнева...»

Еще в юности желала Она быть последней рабою у Той Девы, Которой, по пророчеству, суждено было родить Христа. С детства осиянная святостью, Мария просила Бога о том, чтобы только увидеть Ей Эту Деву. Но столь велико было

доверие Ее к Богу, что на благовестие Архангела сказала бессомненно: «Се раба Господня. Буди Мне по слову твоему».

Эти слова послушания более всего свойственны Святой Деве. «Се раба Господня. Буди Мне по слову твоему». Свят и безгрешен Господь. Настолько свят, что всякая наша святость — ничто пред Ним, и наш свет меркнет в Его лучах, и все наши расчеты — ложь сравнительно с Его беспечным Разумом. Знаю, все, отступающее от воли Божией, худо пред благами, Им уготованными, и пустота пред Его Истиной, каким бы хорошим и правильным ни казалось оно нам. Смирюсь пред Ним, отдаю Себя в пречистые руки Его. Да будет воля Его, да будет Мне по слову Его. Так лучше будет».

Так думала Дева Мария всю жизнь Свою, и с такими мыслями уснула Она трехдневным сном могилы. «Готово сердце Мое, Боже, готово сердце Мое; буди Мне ныне по глаголу Твоему», — говорила Она Господу Иисусу, испуская последнее дыхание.

Неизменно памятовала о Боге Святая Дева Мария, неустанно смирялась пред Святою Его волею; Свое же непостижимое никакой тварью величье относила не к Себе, но к Всеблаговому Божию Всемогуществу.

Когда престарелая родственница Ее Елизавета приветствовала Ее, называя Матерью Бога, то не возгордилась Мария Дева, но и не стала, из гордого же самоуничтожения, отнекиваться от хвалы. «Да, Бог благословил Меня, — как бы говорила Она, — но это Его Святая воля. Восхваляю Его и благодарю за то, что Он призрел на смирение рабы Своей. Надменных Он рассеял, сильных низложил с престолов, а смиренных вознес. Алчущим Он даровал блага, а мящих себя богатыми отпустил ни с чем».

Богородица признала Своим личным достоинством одно только смирение. Все же остальное — от Господа. И не в этот раз только думала Она так. Всю жизнь показывала, что не кичится и не гордится Своим высоким жребием. Да и как можно гордиться чужим, Божиим? Такое превознесение себя — не хищение ли у Бога?

Вот, брак в Кане Галилейской. Мария с Сыном Своим — на пиру, в гостях у бедного семейства, — бедного, ибо даже в торжественный день брака не хватило у него вина приглашенным. И Мария, видя смущение хозяев, заботится о них и осторожно указывает Своему Сыну на недостаток вина, веря, что Он избавит хозяев от неловкости.

Церковное предание повествует, среди многих других, еще об одном полном поучительности примере того, как внимательно относилась к людям Святая Дева. Друг Ее Сына, облагодетельствованный Им, — Лазарь четырехдневный, — после Вознесения Господня епископствовал на острове Кипре. Лазарю хочется повидать Мать Своего Друга и Благодетеля, но он боится преследования иудеев, ярившихся на это живое свидетельство власти Господней над самою смертью; и из-за боязни своей Лазарь не решается поехать в Иерусалим, к Деве Марии. Проведав об его желании, Матерь Божия, удрученная многими заботами и скорбями, имея более пятидесяти лет от роду, садится на корабль и предпринимает опасное морское путешествие, чтобы только доставить радость свидания Лазарю и отвезти ему в дар омовор и поручи Своей работы. Смирренная, не отказывалась Пречистая Дева и от трудных подвигов благовестия и, будучи Матерью Господа, наряду с учениками Его брала свой жребий, когда Апостолы распределяли между собою страны мира, в намерении проповедовать в них Свет Истины. Но не будем множить примеров смиренности, явленных Самим Смирением. Скажем лишь, в ответ на вопрос наш: «Радоваться ли нам или печалиться Успению Пресвятой Девы Богородицы?»

Если хотим помощи Благодатной, то потщимся подобяться Ей. И тогда, смирившись, будем радоваться возвеличению Смиренной, ибо Она обещала пребыть с нами во все дни.

Но горько возрыдаем, братия, если не вкусили благоуханного смирения: оставила нас Дева кроткая на собственный наш произвол!

«О всепетая Мати Безсмертнаго Царя небесе и земли, Христа Бога нашего, живущая и по смерти... в жизни сей и в смертном успении нашем от всякия напасти, бед и муки избави, и Небеснаго Царствия нас, Царнице, сподоби, о Тебе вопиющих: Алалилуа».

Село Толпыгино, Костромской губ.

РАДОСТЬ НАВЕКИ

Иже херувимы тайно образующе, и животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение. Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми.

Мы, таинственно изображающие Херувимов и припевающие трисвятую песнь творящую жизнь Троице, оставим сей-час всякую житейскую думу, чтобы поднять Царя всех, невидимо копыносима чинами Ангелов.

Какие загадочные слова поются за литургией! Кто может слушать их без трепета? Вдумайтесь: мы «таинственно изображаем Херувимов!» Не подобным ли изображается подобное? А мы изображаем Херувимов. Значит, есть в каждом из нас что-то, подобное Херувиму, сходное с Херувимом — с многоочитым, как совесть, Ангелом Божиим. Но не наружное, не внешнее это сходство. Оно — не явное, не телесное; не такое, как сходство человека и портрета его. Сходство с Херувимом — внутреннее, таинственное и сокровенное в глуби души. Это — сходство духовное.

Есть великая по своему значению херувимская сердцевина нашей души, ангельское ядро души. Но оно схоронено в тайне и невидимо для плотских очей. Бог вложил в человека лучший дар свой — образ Божий. Но в самых внутренних кладовых души таится этот дар, эта драгоценная жемчужина: в истинной прекрасной раковине погребена она среди тины, на дне душевного моря. Если бы не скрыл Бог дара Своего, то злые силы могли бы осквернить дар Божий; теперь же он дается в руки тому лишь, кто видит его; а видит его лишь поработавший.

Все мы — в грехах. Но мы — как глиняные сосуды, полные сверкающего золота. Сверху — зачерненные и замазанные, а изнутри — ослепительно-лучезарные. Таковы все вы, братья.

Снимите с человека одежду — увидите тело, подверженное искушениям, болезням и смерти. Если бы снять, далее, и тело, то вы увидели бы толстый слой грехов, как ржавчина изъевших нашу душу. Но если бы, еще далее, снять с души эту тленную, смрадную часть, то там, в самой середине, узрели бы вы Ангела Хранителя. Многими очами своими он видит каждое малейшее желание наше, замечает каждое помышление человека. Вот, святое нутро души человеческой, истинное я человека.

Это — таинственный, священный храм, блещущий небесной красотой. В нем обитает Дух Святой. Днем и ночью, беспрестанно и немолчно ходатайствует Он за нас пред Богом воздыханиями неизреченными. Мы даже не знаем, о чем молиться, как должно (Рим. 8, 26). А Утешитель молится за нас, подкрепляя нас в немощах наших, и, хотя мы не подозреваем о том, вопиет за нас к Богу: «Авва!», то есть «Отче, Отец!» (Рим. 8, 15; Гал. 4, 6). Мы — это храм Божий, и Дух живет в нас. Разве не знаете? (1 Кор. 3, 16). Мы ходим по земле, но наше подлинное существо — на небе: ведь небо там, где Дух. Не говорил ли Господь: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 10)? Можно ли после этого думать, чтобы кто растлил храм Божий? «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм — вы», — говорит апостол Павел (1 Кор. 3, 17).

Возвеличен человек! Немногим умален пред Ангелами: славою и честью увенчан (Пс. 8, 6)! Получил силу пользоваться даже разумением ангельским, потому что мера человеческая такова же, какова мера и Ангела (Откр. 21, 17). Свят человек в тайниках души своей; освящен, потому что Господь святит его, непобораемый наружной скверной.

Храмоноscopy, слышали ли вы, как находят драгоценнейший из драгоценных камней — алмаз? — Покрытым грубой корой — черным, непомерно-твердым налетом. С виду такой алмаз не разнится от простой гальки. Только мастер дела угадает, что это — алмаз. Но в продолжение многих месяцев и даже годов гранильщик снимает с камня верхнюю кору, шлифует его, и тогда выступает внутреннее, как росинка, прозрачное ядро, загорается и играет на солнце всеми лучами радуги. Так вот, — и человек. Снаружи — грязный, но внутри такой прекрасный, что Бог, создав человека, почил

Слово, сказанное за Литургией 7 января 1905 года в храме села Толпыгино Нерехтского уезда Костромской губернии.

Публ. по изд.: «Христианин», 1907, т. 1, № 2, с. 248—257.

от дел своих; а когда человек пал, то, в великой любви к своему творению, Бог Сына Своего Единородного не пощадил, отдал Его даже на муки и на смерть, чтобы спасти тварь.

О, братья, если бы вы подумали, как прекрасны все вы! Не Духу ли Святому, живущему в вас, кадит священник, когда обращается к вам с кадилом? Не престол ли внутреннего храма окутывает фимиамом? И человек — не та же ли икона Божия? Ведь как в иконе за красками и доскою таится благодатная сила Божия, так за телом человека и его грешной душой живет во внутреннем храме, в совести, многоочинтой Дух Святой.

Нет ничего, поэтому, драгоценнее души человеческой. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16, 26). Не Бог ли, в душе живущий, создал все сокровища мира? Что же значат они, если Творец и Хозяин их — с нами? Что они, когда в душе царит Бог? Истинно сказал Господь: «Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то» (Мф. 13, 44). Сокровище каждого закопано в поле души его. И если кто нашел свой клад, то, затаив дыхание, он бросает все дела, лишь бы только выкопать свое сокровище. В этом ведь — высшее счастье, верховное благо человека. В этом — его радость навеки.

Царство Небесное — это Божественная часть души человеческой. Найти ее в себе и в других — увериться собственными очами в святости твари Божией, в доброте и в любви людей — тут вечное блаженство и вечная жизнь. Кто раз вкусил ее, тот готов променять на нее все частные блага: «Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашед одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13, 45, 46). Жемчужина, которую искал купец, — недалеко, ее всюду с собою носит человек, только сам того не ведает. И с кладом в груди каждый из вас ходит, тоскуя, по миру и так часто не верит, чтобы подобная жемчужина была даже где-то далеко. Блажен увидевший сокровище свое!

Но кто же именно видит его? Кто видит свою жемчужину? Земные вещи видит тот, у кого чисто телесное око; небесную вещь увидит лишь имеющий чистым око небесное — сердце. «Блаженны чистые сердцем, потому что они Бога узрят» (Мф. 5, 8) — узрят в сердце своем и в сердцах других людей, — узрят не только в будущем веке, но и в этом, ныне увидят. Лишь бы очищали сердце свое! И вот, христоносцы, лишь только чуть-чуть осветлится сердце, — внутри, озаряемый Божественным светильником, заблистает и заискрится, как золото, образ Божий. И тогда зрится в себе и в других Ангелов Хранителей, предстоящих пред лицом Божиим. Тогда прислушиваешься к неизреченным воздыханиям Утешителя, ходатайствующего за нас и вопиющего к Богу: «Отче!». В этом единственном слове — сладость в всех молитвах и в всех радостях. Блаженны чистые сердцем, потому что они всегда видят Бога, всегда ходят пред лицом Его среди Ангелов-собратий: в людях они видят Ангелов. Бережно относятся они один к другому: ведь видят святыню в нем, — то видят, чего и сам он не знает за собою. Любуются и не могут нарадоваться святыней всякого; скорбят и плачут о слое пыли, посеявшей на эту драгоценность в брате-человеке.

Невидима в будничной жизни эта сокровенная и таинственная святая душа. Но порою вдруг прорвется смрадный чехол, ее заключающий, и блеск застилает очни. А в минуты высшего подъема лицо делается лицом Ангела. «И все... смотря на него [Стефана], видели лицо его, как лицо Ангела», — рассказывается в Деяниях (6, 15). Всякими путями ведет Бог человека к такому просветлению, к познанию своей святости. Иногда это бывает чрез великое несчастье. Мы думаем, что человек погиб окончательно, махнем рукою на него, до того он весь в грязи и в скверне. Падение его представляется последним падением, откуда нет возврата. Но в великом страдании изветшает грязный чехол. Вдруг в самой грязи сверкнет что-то неожиданное. Это — Ангел Хранитель подтолкнул человека и мощной десницей выводит его на новый, святой путь. И на небесах более радости будет об одном этом грешнике кающемся, нежели о девятистах девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии (Лк. 15, 7). Таков путь чрез великое несчастье.

А иногда еще великое, незаслуженное счастье, острая радость, пронзающая всё существо и обывающая душу, сдерживает с нее всеми презираемый покров ее. Когда было сказано великой грешнице: «Иди в свой дом и не грешни», неужели она воротилась, чтобы грешить? Нет! «Ибо слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помысления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все obviously и открыто пред очами Его: Ему дадим отчет» (Евр. 4, 12, 13). Можно быть уверенным, что после ослепительной радости прошедняя душа бедной грешницы тут-то и заблестала своей небесной красотой. И, навер-

ное, была радость у Ангелов Божних (Лк. 15, 10), потому что к ним присоединился еще Ангел.

Вот что значит «Иже Херувимы тайно образующе».

Подобные Херувимам и их таинственно представляющие, мы получили от Бога ангельское право — Троице животворящей, Троице творящей и раздающей вечную, божественную жизнь, петь наряду с Ангелами и песнь Ангелов: однажды, при архиепископе Цареградском Прокле, некий юноша был восхищен горé и слышал в откровении, как чины Ангелов поют пред Богом Трисвятую песнь: «Святый Боже! Святый Крепкий! Святый Бессмертный!». И с тех пор это песнопение вошло в церковную службу.

Вы, подобные Херувимам, не трепещете ли друг пред другом? Но трепещите. Трепещите сильнее. Знаете ли, кто тут? — Царь-Христос... Ангельские чины служат Ему, невидимо донося Его, — подымая Его на щите посредством копий, как некогда воины подымали греческого царя пред народом. Церковь полна Ангелов, все вы стоите вперемежку с Ангелами. Господь тут, тут! Разве не знаете? Он с нами, как обещал. Неужто теперь не «отложим житейское попечение»? Неужто не забудем о грубой коре, скрывающей Ангела Хранителя каждого из вас? Пусть спадет пред очами эта пелена, пусть рухнет стена, отделяющая сердце от сердца. О, счастье каждому видеть Херувима в каждом! О, радость навеки!

«Всякое ныне житейское отложим попечение». Всякое. Забудем о домашних дрязгах, отбросим междоусобные распри и счеты, покнем мысли о житейских удачах и невзгодах. Перестанем заботиться о житейском, забудем все нечистое: Господь с нами, Он всех святит, очищает. Он смывает потоком любви Своей всякую грязь. Он зажигает радостью навеки всякую душу. Ангелы невидимо подымают Царя всех. Но предо мною стоят еще видимые Ангелы. Ангелы во плоти, как бы засенившие плотью лучезарный блеск свой. Я не могу уже смотреть прямо на них. Смущение охватывает меня: нечист я ...

«Всякое ныне житейское отложим попечение, яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо доносима чиними». Слышите? Присоединимся к Ангелам, подыдем Христа. Ныне отложим житейское попечение, ныне очистимся: приготовим себя. Ведь вместе с Ангелами будем поднимать Царя всех. Царя всех! Никто не исключен из народа Христова. Никто не забыт. Уйдет ли кто с торжества? Подыдем! Ведь вы — едино со Христом, вы, все вместе, — Тело Его, а порознь — члены; Он — Глава тела. Как тело несет на себе главу, так и мы несем на себе Христа Бога. Спадет нечистота с духовных очей; тогда исчезает взаимная вражда, взаимное отчуждение. Так всегда бывало, когда люди крепко верили в Господа Иисуса. «У множества уверовавших было, — говорит Апостол, — одно сердце и одна душа». Сила взаимной любви была так велика, что «никто ничего из имени не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4, 32).

Слушайте, вот как, например, очищается душа! Вот, пример великого счастья и действительности небесной радости.

Иисус, о чем повествует нам святой евангелист Лука (19, 1—10), проходил однажды чрез город Иерихон. Некто Закхей, всеми презираемый как мытарь (то есть сборщик податей), всеми отверженный, старался увидеть Того, о Ком он столько слышивал. Быть может, дошли и до него слухи, что этот Учитель кроток и смирен сердцем (Мф. 11, 29), что Он не способен обидеть даже всеми презираемого и что на Нем осуществилось древнее пророчество: «Он не будет кричать и не возвысит голоса Своего, не даст слышать его на улицах; не переломит надломленной трости и не погасит потухающей свечилни» (Ис. 42, 2, 3). Или Закхей влекло простое любопытство взглянуть на знаменитого Чудотворца? Кто знает? Так или иначе, но как ни тянулся Закхей на цыпочки, досадно-малый рост не позволял ему подняться над плотной стеной народа, окружавшей Иисуса. Впрочем, в настоящем случае эта помеха оказалась для Закхея началом его высшего счастья и радости навек.

Отчаявшись увидеть что-нибудь за теснившейся толпой, может быть даже нарочно, из презрения и ненависти, не пропускавшей его вперед, он пустил в ход свою изобретательность и, забежав вперед, влез на смоковницу: Закхей рассчитал, что Иисус не минует его.

Для бедного мытаря было бы большим счастьем даже просто взглянуть на Того, Кто непонятной силой влек его сердце. Закхей, действительно, наглядялся со смоковницы на Иисуса и, не помня себя от радости, увидел, что Тот тоже заметил его. Но радость переполнила все существо мытаря, когда Проходивший мимо сказал: «Закхей! сойди скорее; ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме». — «Как! ко мне приходит в гости Иисус! Не пред Ним разве собираются толпы народа? Не Его ли края одежды ищут коснуться богачи? Не Его ли не смеют принимать у себя даже люди благочестивые и всеми почитаемые, не то что я?! И Он все-таки просится ко мне,

всеми презираемому (и заслуженно!) грешнику, всеми ненавидимому сборщику податей! Просится ко мне, обходя других!»

Приблизительно так думал, вероятно, Закхей, и понятно, с какой поспешностью слез он со смоковницы, чтобы принять осчастливленный Господа.

В сердцах окружающих заговорила зависть. «Как! Гость, Которого жаждал видеть в своем доме всякий, из-за Которого спорила целая толпа, делает честь какому-то Закхею, известному грешнику!». Но луч от светлого Христова лика уже прожег до сердца Закхееву грудь, растопил кору на Ангеле Хранителе, и Закхей не стал злобиться в ответ на стоявший кругом ропот и нарекания.

«Сам сознаю, что недостойн посещения Твоего, Господи. Но Ты доставил мне высшее счастье — Ты возродил меня. Ты видишь, Господи, что я переполнен радостью и счастьем от доброты Твоей. Ничем не могу отблагодарить тебя, наг пред Тобою. Но полноты своей не могу не проявить». Такие мысли осаждали Закхея, потупившего голову. Стыдно ему было и больно от стоявших кругом нареканий на него, кощвенно падавших и на Учителя, — стыдно, но вместе с тем еще радостнее. И ставши пред Господом, переполненный восторгом, как некогда Петр во время Преображения, и едва ли вполне сознавая, что он говорит, Закхей воскликнул: «Господи! половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо». Так воскликнул, себя не помня, Закхей. Почему именно «половину имения», почему «вчетверо»? Конечно, и сам он не ответил бы на эти вопросы. Быть может, он был готов и все отдать ради возродившего его Иисуса. Но восклицались первые попавшиеся слова — лишь бы только проявить как-нибудь радость, которой трепетала душа его. И действительно, Богочеловек засвидетельствовал, что в этот миг высшее счастье Закхея возродило его «погибшую» душу.

«Ныне пришло спасение дому сему, — сказал Иисус, — потому что и он сын Авраама. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее».

Истинно, братья, нет выше счастья, как увидеть силу Добра, как пожертвовать собою Живой Любви. Радуйтесь, «и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16, 22): нет границы между небесным и земным; Ангелы Божии восходят и нисходят в души человеческие. Радость навеки да будет с вами. Аминь.